

Научная статья

УДК 94

DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-10-82-91

Реформы Петра I как модель для Японии в сочинениях конца эпохи Эдо

Василий Владимирович Щепкин

Институт восточных рукописей Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия
vshepkin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0007-1143>

Аннотация

В статье рассматривается репрезентация российского императора Петра I и его реформаторской деятельности в сочинениях японских ученых конца XVIII – первой половины XIX в. Для анализа были выбраны труды и письма трех наиболее влиятельных мыслителей этого периода: представителя школы Мито, идеолога движения за почитание императора Аидзава Сэйсисай (1782–1863); известного художника и специалиста по «западным наукам» Ватанабэ Кадзан (1793–1841); педагога и знатока военного и военно-морского дел Сакума Сёдзан (1811–1864). Хотя каждый из них обращает особое внимание на определенный аспект деятельности Петра – личную вовлеченность в реформы, способность к быстрым переменам или лидерские качества, все они так или иначе говорят о нем как о модели для Японии. Принимая во внимание авторитет этих мыслителей и большое число их последователей, можно предположить, что идеи «петровской модели» получили широкое распространение во второй половине XIX в., повлияв на политический курс в период Мэйдзи.

Ключевые слова

Петр I, Япония, реформы, модернизация, российско-японские отношения, период Токугава, период Мэйдзи, общественная мысль

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42018 («Образ Петра Великого в странах Восточной Азии: социокультурная интерпретация и адаптация»)

Для цитирования

Щепкин В. В. Реформы Петра I как модель для Японии в сочинениях конца эпохи Эдо // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 10: Востоковедение. С. 82–91. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-10-82-91

Reforms by Peter the Great as a Model for Japan in the Writings of the Late Edo Period

Vasilii V. Shchepkin

Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation
vshepkin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0007-1143>

Abstract

The first knowledge about Peter the Great seems to penetrate into Japan during the lifetime of this Russian emperor, as early as the beginning of the 18th century. However, it was only after first attempts of Siberian merchants to start trade relations with Japan's northernmost domain of Matsumae when Japanese intellectuals began to study Russia and its history. By the end of the century, the image of Peter the Great as an outstanding ruler had formed in Japan, with his

© Щепкин В. В., 2021

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 10: Востоковедение. С. 82–91

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2021, vol. 20, no. 10: Oriental Studies, pp. 82–91

main achievement being the expansion of the country's territory, after which European Russia suddenly shared a border with northern Japan. Katsuragawa Hoshu, a court physician and the author of one of the first descriptions of Russia, might be the first Japanese who implied Peter the Great's activities as a model for Japan, pointing out his politics in spreading the foreign trade. Japanese intellectuals of the first half of the 19th century continued to use Peter the Great's reforms as a possible model for Japan. Watanabe Kazan (1793–1841) in his "Note about the Situation in Foreign Countries" used the Russian emperor as evidence of a leader's role in winning nature-based and geographical obstacles in a country's development. Aizawa Seishisai (1782–1863) and later Sakuma Shozan (1811–1864) pointed out Peter's leadership qualities and personal involvement in reforms. Based on the study of Peter's activities, Aizawa managed to create the program of Japan's reforming known as the "New thesis" ("Shinron", 1825), while Sakuma promoted the necessity of Western learning, especially the development of navy and artillery. This allows to assume a great influence of the study of Peter the Great and Russian history in formulating the ideas of a "rich country and strong army" that became a cornerstone of national ideology in Meiji Japan.

Key words

Peter the Great, Japan, reforms, modernization, Russo-Japanese relations, early modern Japan, Meiji restoration, social thought

Acknowledgements

The reported study was funded by the RFBR, project no. 20-09-42018

For citation

Shchepkin V. V. Reforms by Peter the Great as a Model for Japan in the Writings of the Late Edo Period. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 10: Oriental Studies, pp. 82–91. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-10-82-91

Введение

Первые сведения о Петре I проникли в Японию, возможно, еще при жизни российского императора, в начале XVIII в. [Щепкин, 2020, с. 116]. Систематичное накопление знаний о России, в том числе о ее истории, началось в Японии с 1780-х гг., когда правительству и интеллектуальной элите стало известно о соседстве России на севере и попытках русских купцов завязать торговые отношения с японским княжеством Мацумаэ. Поначалу сведения черпались в голландских географических книгах, приобретаемых у работников фактории Голландской Ост-Индской компании в Нагасаки, а с 1793 г. основным источником информации стали вернувшиеся на родину японские моряки, которые в результате кораблекрушения провели в России около десяти лет. В сочинении «Краткие вести о скитаниях в северных водах» придворный врач Кацурагава Хосю, основываясь как на свидетельствах этих моряков, так и на голландских источниках, подробно описал деятельность Петра I. Он особо отметил эпохальность его заслуг, указав, что русские считают его «будто основателем государства» и даже установили ему памятник, что для японцев XVIII в. было свидетельством едва ли не божественного статуса [Кацурагава Хосю, 1978, с. 119–120, 135].

Предложение начать торговые отношения, озвученное русскими в переговорах с чиновниками княжества Мацумаэ в 1778–1779 гг., а также деятельность И. Титсинга на посту главы голландской фактории в Нагасаки в 1781–1784 гг. подстегнули в Японии дискуссию о возможном расширении внешней торговли для улучшения финансового положения центрального правительства [Screech, 2006, с. 16]. Однако в 1786–1787 гг. произошла смена власти: председателя совета старейшин Танума Окицугу, с энтузиазмом смотревшего на перспективы активизации внешней торговли, сменил у руля консервативно настроенный Мацудайра Саданобу, который уже в 1790 г. издал указ о двукратном сокращении объема торговли с голландцами [Ёкояма Ёсинори, 2013, с. 53–59].

В своем описании деятельности Петра I Кацурагава Хосю не преминул отметить его заслуги по расширению торговли с другими странами: Петр «проложил много водных путей, развил связи [с другими странами] и, увеличив выгодную торговлю, приумножил богатство собственной страны» [Кацурагава Хосю, 1978, с. 99]. Поскольку Кацурагава Хосю, придворный врач и знаток голландских наук, относился к числу сторонников отношений с другими странами, это указание можно рассматривать и как скрытый намек для чиновников правительства – именно они выступали адресатами сочинения, не предназначенного для широкой

публикации. Если это так, то мы можем говорить о Кацурагава Хосю как о первом японце, рассматривавшем реформы Петра I как возможную модель для Японии.

И все же Японию рубежа XVIII–XIX вв. едва ли можно назвать государством, жители которого всерьез задумывались о кардинальном изменении траектории его развития. Отказ на предложение об установлении торговых отношений от очередного российского посольства во главе с Н. П. Резановым в 1805 г. хотя и вызвал критику некоторых представителей властных и ученых кругов, официально был назван «следованием закону предков», да и неофициально многими воспринимался таким образом [Фудзита Сатору, 2005, с. 17]. Последовавшие за этим нападения российских судов под командованием Н. А. Хвостова и Г. И. Давыдова на японские фактории на Сахалине и Итурупе в 1806–1807 гг., а также заход британского судна «Фэзтон» в гавань Нагасаки обманным путем в 1808 г. обнажили уязвимые места в обороне Японии, что привело, однако, не к качественным изменениям во внешней политике, а лишь к ужесточению обороны.

В своей статье, посвященной различным аспектам образа России в Японии, японский историк Вада Харуки пишет, что первым, кто указал на важность примера Петра I для японцев, был россиянин – капитан флота В. М. Головнин, плененный японцами в 1811 г. из-за действий Н. А. Хвостова и Г. И. Давыдова и пробывший в заключении около двух лет [Вада Харуки, 1986, с. 53–54]. По возвращении на родину в своих «Записках о приключениях в плену у японцев» он отметил изобретательность и трудолюбие японцев и заключил, что «если над сим [...] народом будет царствовать государь, подобный великому нашему Петру», то «чрез малое число лет» Япония будет «владычествовать над всем Восточным океаном» [Головнин, 1816, с. 27]. Голландское издание «Записок» В. М. Головнина было привезено в Японию и переведено на японский язык уже в 1825 г. Однако, как указывает проф. Вада Х., и голландское издание, и японский перевод вслед за ним охватывали лишь первые два тома «Записок», так что вышеприведенная мысль В. М. Головнина, озвученная в третьем томе, осталась неизвестной японцам [Вада Харуки, 1986, с. 54]. Но некоторые японские ученые смогли увидеть в Петре I и его реформах возможную модель для Японии и без подсказки российско-го мореплавателя.

Аидзава Сэйсисай: Петр как пример личной вовлеченности

Одним из наиболее влиятельных мыслителей, в чьих трудах мы находим отсылки к деятельности Петра I, был Аидзава Сэйсисай (1782–1863). Он происходил из княжества Мито, которым руководили князья из боковой ветви правящего дома Токугава. Князья Мито традиционно выступали советниками сёгунов, а с правления второго главы Токугава Мицукуни (1628–1701) в княжестве также велась работа по составлению «Истории Великой Японии». Вокруг созданной для этих целей исторической палаты «Сёкокан» сформировалась т. н. «школа Мито», ставшая в XIX в. очагом движения за почитание императора и изгнание варваров, одним из идеологов которого и стал Аидзава Сэйсисай.

Ещё в 10-летнем возрасте он попал в ученики к Фудзита Юоку (1774–1826), работавшему в той самой исторической палате, и его усилиями был привлечен к научной работе. Как раз в это время Японию посетила российская экспедиция А. Лаксмана, и в княжестве Мито, имевшем длинную береговую линию, озаботились проблемой морской обороны. Аидзава С. было поручено собрать сведения о России. Результатом этого стала работа «Удивительные слухи о Курильских островах» (千嶋異聞 *Тисима ибун*), написанная в 1801 г.

Аидзава С. начинает свое сочинение с исторического обзора айнских земель и контактов японцев с материковыми народами, доводя его до военных кампаний Тоётоми Хидэёси на материке в конце XVI в. и последовавшего за этим захвата Китая маньчжурами, а айнских земель – Россией. Он предполагает, что именно завладение всеми землями айнов является истинным мотивом русских в их стремлении установить торговые отношения с Японией, для

чего они «подробно изучают географию нашей божественной страны». Затем он переходит к анализу источников российского могущества и обнаруживает его в одаренности, находчивости и энергии Петра I, благодаря которому Россия превратилась в великую империю. Среди реформ Петра Аидзава С. отмечает его особые заслуги в улучшении трех сфер: продовольственной безопасности, образования и вооруженных сил. «Он направил всю свою энергию на упрочение источников существования народа и обогащение государства, – пишет Аидзава, – Он разбил виноградники и фруктовые сады, чтобы обеспечить достаточное продовольствие для своего народа. Он основал школы, чтобы распространить официальную религию. Он вымуштровал российскую армию и тем самым вселил страх в сердца врагов России» (Цит. по: [Wakabayashi В. Т., 1986, с. 84]).

При этом Петр осознавал отсталость России в этих сферах и ее потребность учиться у Запада: он отправлял студентов за границу, покупал книги по законам, науке, религии, математике и астрономии из передовых европейских стран, основал великолепные образовательные центры в Москве и Санкт-Петербурге. Изучив европейские техники навигации и построив десятки военных кораблей, он создал российский военно-морской флот. Но что более всего впечатлило самого Аидзава С., так это личная вовлеченность Петра в дело преобразования. Будучи неудовлетворенным ввозимыми книгами и нанимаемыми иностранными учителями, Петр «лично поехал на Запад, выдав себя за рядового рабочего, чтобы освоить техники строительства крупных судов» (Цит. по: [Wakabayashi В. Т., 1986, с. 85]).

В описании Аидзава С. российский монарх предстает как великодушный и преданный своему делу правитель-наставник, который, позаботившись об источниках существования своих людей, улучшил их нравы, объединил духовно и вселил в них чувство почтения к себе. Затем он добился того же и от покоренных народов, предоставляя им как материальные блага цивилизованной жизни (еду, одежду, передовые технологии и оружие), так и духовную силу в виде христианства, которое гарантировало исполнение их чаяний о получении выгод в этом мире.

Изучение «российского вопроса» 19-летним исследователем Аидзава С. дало ему понять, что при должном руководстве даже разделенная, слабая и полузависимая страна, не наделенная хорошим климатом и географией, способна стать ведущей мировой державой. Секрет России на этом пути он видел в следующем. Во-первых, российские правители с начала XVII в. неизменно сохраняли определенные долгосрочные цели – обретение национального единства, достижение богатства и могущества государства и территориальное расширение. Во-вторых, они подходили к реализации этих целей с гибкостью, приспособляясь к мировой ситуации, например, продвигались на восток, если терпели неудачи на западе. В-третьих, они осознавали необходимость изучать передовые технологии Европы для реализации этих долгосрочных целей [Wakabayashi В. Т., 1986, с. 85].

Спустя почти четверть века, в 1824 г., в воды княжества Мито зашло британское китобойное судно с просьбой о предоставлении провизии, и Аидзава С. было поручено вступить в переговоры с экипажем. Этот случай дал ему повод сформулировать общие принципы государственной обороны и необходимой для этого внутренней и внешней политики Японии. Свое сочинение он назвал «Новыми суждениями» (新論 *Синрон*), и позже ему было суждено стать одним из краеугольных камней в идеологии движения за почитание императора и изгнание варваров, а также одним из наиболее читаемых сочинений среди патриотично настроенных молодых самураев (особенно после «открытия» страны в 1853 г.).

В этом сочинении Аидзава С. упоминает Петра лишь однажды, снова говоря о его поездке инкогнито в Европу для обучения как о примере личной вовлеченности государя в дело преобразования страны [Аидзава Сэйсисай, 1973, с. 124–125]. Тем не менее, во многих основных положениях заметно влияние опыта изучения деятельности Петра I, отраженного в сочинении «Удивительные слухи о Курильских островах».

Так, Аидзава С. пишет, что в условиях возросшей угрозы со стороны иностранных держав и участвовавших визитов их кораблей необходимо, сплотившись вокруг императора и военно-

го правительства *бакуфу*, объединить усилия для изгнания варваров. Для этого нужно пробудить застоявшийся народный дух, осуществить реформы для создания богатой страны и сильной армии, а также наладить оборону в каждом княжестве. Поскольку укрепление мощи каждого из княжеств могло в конечном счете создать угрозу для самого военного правительства, был нужен сильный героический лидер, способный повести за собой всех других князей, – на наш взгляд, здесь, безусловно, угадывается образ Петра I.

Ватанабэ Кадзан: Петр I как пример изменчивости мира

В 1825 г., когда были написаны вышеупомянутые «Новые суждения», центральное правительство Японии выпустило указ о силовом выдворении иностранных судов, оказавшихся в японских водах. С одной стороны, он стал логичным итогом процесса осознания положения Японии в мире и выработки внешнеполитического курса центральным правительством, начавшегося в конце XVIII в. с визитом российской миссии под руководством А. Лаксмана. С другой – создал дополнительный источник напряженности в Восточной Азии, который мог привести к непредвиденным последствиям для страны.

Наиболее известным случаем исполнения этого указа стало выдворение американского торгового судна «Моррисон» летом 1837 г. Торговцы из США еще с конца XVIII в. интересовались перспективой отношений с Японией. В этот раз они решили воспользоваться «российским методом» – вернуть на родину потерпевших крушение японских моряков. С судна заблаговременно были сняты все орудия, чтобы подчеркнуть его мирные намерения, однако при попытке подойти к бухте Урага вблизи столицы Эдо оно было подвергнуто артиллерийскому обстрелу, и в конце концов вынуждено покинуть воды Японии.

Когда год спустя через голландскую факторию в Нагасаки стало известно об экипаже судна и его намерениях, в правительстве и среди интеллектуалов развернулась дискуссия о применении указа 1825 г. Одним из активных противников силовых методов выступил старший вассал княжества Тахара и известный поборник «голландских наук» по имени Ватанабэ Кадзан (1793–1841). Он являлся членом «Общества почитания стариков» (尚齒会 *Сё:сикай*), объединявшего широкий круг ученых и чиновников центрального правительства с целью изучения западных наук для решения текущих проблем Японии. Ватанабэ Кадзан как старший вассал княжества Тахара, имевшего весьма протяженную береговую линию, в 1832 г. был назначен ответственным за морскую оборону, поэтому его интерес к западным знаниям понятен. Однако он, активно изучая современное международное положение, не ограничивался сугубо техническими вопросами. Американский японовед Д. Кин считает его одним из наиболее осведомленных о мировой ситуации японцев своего времени (См. [Keene, 2006, с. 2–3]).

В 1839 г., незадолго до начала Первой опиумной войны в Китае, Ватанабэ Кадзан по просьбе чиновника центрального правительства Эгава Хидэтацу (1801–1855) составил «Записку о положении дел в зарубежных странах» (外国事情書 *Гайкоку дзидзёсё*). В то время многие высшие чиновники центрального правительства относились к другим странам с неприкрытым высокомерием, считая, что их стремление завязать торговлю объясняется лишь их бедностью, в то время как Япония и Китай не испытывают нужды ни в чем. Ватанабэ Кадзан же в своей «Записке» попытался донести мнение, что мир меняется, и Поднебесная не всегда остается Поднебесной, а варвары – варварами. Говоря о переменах в мировой ситуации, он привел в пример Россию и деятельность Петра.

«Россия была самой северной из всех северных стран, однако в ней появился великий правитель по имени Петр, который захватил земли шириной семьсот или восемьсот ри, а протяженностью – три тысячи ри от Швеции на западе до Сибири, что граничит с восточными землями айнов. Во всех этих землях он проложил дороги, построил станции, прорыл каналы, пустил по ним корабли, отыскал товары, наладил торговлю, освоил дикие леса

и равнины, основал новую столицу, учредил академию, обучил народ, принял в подданство из других стран 201 тысячу 357 человек, создал школу для изучения военных и словесных наук, подготовил кадры, одержал победы в нескольких десятках больших войн и создал величайшую в мире империю. Все это было сделано в правление одного только Петра! Он по-чил в 1725 г., то есть в 10-м году правления Кёхо» [Ватанабэ Кадзан, 1978, с. 61–62].

Сведения о деятельности Петра примерно те же, что содержались в сочинении Кацурагава Хосю четырьмя десятилетиями ранее. Однако теперь мы видим, как пример Петра и его преобразований в России начинает использоваться для подспудной критики косного взгляда на международное положение Японии, который был свойствен столь многим в кабинетах центрального правительства. Указывая на пример Петра, Ватанабэ Кадзан предупреждал власти о двух вещах: первое – ситуация в мире уже не та, какой была 200 лет назад, когда Япония была сильна и могла легко прекращать нежеланные отношения; второе – если не начать меняться самим, то меняться заставят другие.

Сакума Сёдзан: Петр I как идеал правителя и реформатора

Ватанабэ Кадзан пал жертвой гонений спустя всего два года после того, как написал эти строки, – в самый разгар Первой опиумной войны в Китае. Однако вскоре после ее окончания и неожиданного для японцев поражения Китая правительство, наконец, озаботилось проблемой безопасности и отношениями с другими странами и было вынуждено обратиться к специалистам по западным знаниям [Толстогузов, 2011, с. 59–78]. Двадцать пятого декабря 1842 г. один из таких специалистов, ученый по имени Сакума Сёдзан (1811–1864), представил своему господину Санада Юкицура (1791–1852), главе княжества Мацусиро и члену совета старейшин центрального правительства, предложения по укреплению обороны морских берегов. В них он, рассуждая о необходимости собственного военно-морского флота, несколько раз приводил в пример Петра.

«В прежние годы, когда российский правитель Петр впервые в истории своей страны начал строить морские суда, то и подходящего леса не хватало, и мастера были не обучены, поэтому даже постройка одного судна требовала огромных расходов. Так что, если понадобится срочно построить несколько кораблей, нашему правительству придется понести изрядные расходы, да и в срок поспеть, возможно, не удастся. Я считаю, что для начала нам следует закупить порядка 20 судов у голландцев» [Сакума Сёдзан, 1971а, с. 271].

Поскольку создание военно-морского флота было для Японии делом совершенно новым, Сакума С. не обошел вниманием и вопрос подготовки кадров для него. Говоря об этом, он также вспоминал Петра: «Не так давно российский правитель Петр, осознавая нехватку крупных судов, неумение вести войну на море и незнание навигации в своей стране, пригласил из Голландии знатоков разных искусств и ремесел для обучения им своих подданных. Хотя и приходилось прибегать к принуждениям и поощрениям, спустя некоторое время все эти искусства и ремесла стали развиваться, и в конце концов Россия стала одним из достойных государств Европы» [Сакума Сёдзан, 1971а, с. 278].

Далее Сакума Сёдзан делает отступление, которое, на наш взгляд, наглядно показывает его общее отношение к Петру и его деятельности как к модели для Японии: «До Петра Россия считалась среди других государств Европы глупой, неотесанной и бедной страной, с которой едва ли стоит иметь отношения. Но когда ее возглавил и повел за собой великий правитель, Россия уже никогда не попадала под власть других государств. Что уж говорить о нашей стране, народ которой по своему разуму не имеет равных во всем мире? Да, по обширности территории мы уступаем Китаю и России, но по плодородию земель и умственным способностям народа Япония действительно превосходит всех остальных» [Сакума Сёдзан, 1971а, с. 278].

О том, насколько глубоко Сакума Сёдзан был проникнут идеей переустройства Японии под руководством великого лидера, свидетельствует тот факт, что он обращался к фигуре Петра не только в официальных письмах, но и в собственных стихах. В Музее сокровищ дома Санада в г. Нагано хранится свиток под названием «Шесть стихов о разных чувствах» (雜感六首 *Дзаккан рокусю*). Одно из стихотворений, написанное рукой Сакума Сёдзан на классическом китайском языке, гласит:

К востоку он владения на десять тысяч верст расширил –
Все потому, что поощрял науки, научившись у голландцев.
А в нашей же стране болтают о пустом наследники героев –
Уж сотню лет нет никого, сравнимого с Петром!
(перевод В. Щепкина)

После поражения Китая в Первой опиумной войне Сакума Сёдзан полностью отдал себя изучению голландского языка и западных наук, прежде всего военного дела, артиллерии, медицины и физики, а в 1851 г. открыл в столице собственную школу. Она стала особенно популярной после прибытия в Японию экспедиций американского командора М. Перри и российского адмирала Е. В. Путятина в 1853 г. В ней проходили обучение такие будущие общественные деятели и лидеры реставрации Мэйдзи, как Ёсида Сёин (1830–1859), Кацу Кайсю (1823–1899) и Сакамото Рёма (1836–1867). В 1854 г. Ёсида Сёин предпринял несколько неудачных попыток проникнуть на американское или российское судно, чтобы отправиться за границу для изучения военного дела. Вскоре Сакума Сёдзан, как его учитель, был обвинен в подстрекательстве своего ученика к преступным действиям и посажен под домашний арест в родное княжество Мацусиро на долгие девять лет, но и оттуда не переставал распространять свои идеи о переустройстве Японии.

Двадцать шестого января 1858 г. он писал известному поэту Янагава Сэйган, одному из активистов зарождавшегося оппозиционного движения: «В глубине души я очень надеюсь, что в ближайшее время правительство в соответствии с объявленным великим принципом снимет с князей обвинения в их неосторожных поступках, руководствуясь гуманными законами в соответствии с духом времени, объявит, что они смогут искупить вину будущими заслугами, решительно изменит свой прежний временный курс и сделает все так, как Петр в России. Выбрать разных людей, послать их за границу, чтобы изучали искусства и ремесла, которые там развиты, и собирали сведения о местной обстановке и настроениях. Пригласить побольше иностранных умельцев, тепло принять их с открытым умом и сердцем, сделать их учителями в искусствах, которых нет в нашей стране, и всячески развивать науки. Изменить систему деления на княжества, запретить безделие, смягчить наказания, развивать машиностроение, открыть фабрики, увеличить число больших кораблей, восстановить морскую торговлю. Отправить послов в те страны, которые направляют послов к нам, пополнять казну за счет сборов с приезжающих из других стран. Я скромно полагаю, что если мы будем придерживаться этих мер в течение некоторого времени, то сможем превзойти по государственной мощи Англию, Францию и Америку» [Сакума Сёдзан, 1971б, с. 374]. Как точно указывает японский историк Вада Х., надежда Сакума Сёдзан на то, что японское правительство «сделает все так, как Петр в России», наглядно показывает, какое значение он придавал модели Петра [Вада Харуки, 1986, с. 56].

Заключение

Как мы смогли увидеть, Петр I и его реформы являлись объектом повышенного интереса японских мыслителей первой половины XIX в. Мы остановились подробно лишь на мнении трех видных ученых – у каждого из них Петр предстает как модель и пример преобразований для создания «богатого государства и сильной армии», что стало одной из национальных идей в период Мэйдзи (1868–1912). Двое из представленных мыслителей – Аидзава Сэйсисай и Сакума Сёдзан – являлись, пожалуй, наиболее влиятельными идеологами своего времени,

чьими трудами вдохновлялось целое поколение активных реформаторов этого периода. Представители этого поколения уже гораздо реже писали о Петре, считая, как Като Хироюки в «Записках соседа» 1861 г., что его фигура и деятельность слишком хорошо известны современникам, чтобы останавливаться на них подробно [Като Хироюки, 1991, с. 110]. Но, на наш взгляд, это означает лишь, что идея о Петре как о модели для Японии была к тому времени уже прочно усвоена многими японцами.

Список литературы

- Вада Харуки.** Представления о России в Японии: учитель, враг, собрат по страданиям // Россия и Япония в исследованиях советских и японских ученых. М.: ГРВЛ, 1986. С. 50–61.
- Головнин В. М.** Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах. Часть третья, содержащая в себе Замечания его о японском государстве и народе. СПб.: Морская тип., 1816. 169 с.
- Като Хироюки.** Записки соседа / Вступ. ст., пер. с яп. и коммент. Ю. Д. Михайловой // Восток. 1991. № 6. С. 102–110.
- Кацурагава Хосю.** Краткие вести о скитаниях в северных водах («Хокуса монряку») / Пер. с яп., коммен. и прил. В. М. Константинова. М.: Наука, 1978. 532 с.
- Толстогузов С. А.** Внешнеполитическая ситуация в Восточной Азии и политика бакуфу в годы Тэмпо // История и культура традиционной Японии. М.: РГГУ, 2011. С. 59–78.
- Щепкин В. В.** Первые сведения о Петре I и формирование его образа в Японии // Учен. зап. Петрозавод. гос. ун-та. 2020. Т. 42. № 4. С. 115–122.
- Keene Donald.** Frog in the well. Portraits of Japan by Watanabe Kazan (1793–1841). New York: Columbia University Press, 2006. 289 p.
- Screech Timon.** Secret Memoirs of the Shoguns. Isaac Titsingh and Japan, 1779–1822. Routledge, 2006. 288 p.
- Wakabayashi Bob Tadashi.** Anti-Foreignism and Western Learning in Early Modern Japan: The New Theses of 1825. Harvard: Harvard University Asia Center, 1986. 360 p.
- Аидзава Сэйсисай.** Синрон [会沢正志齋. 新論]. Новые суждения // Нихон сисо тайкэй [日本思想大系]. Антология японской мысли. Т. 53. Мито гаку [水戸学]. Школа Мито. Токио: Иванами сэтэн, 1973. С. 49–160. (на яп. яз.)
- Ватанабэ Кадзан.** Гайкоку дзидзёсё [渡辺崋山. 外国事情書]. Записка о положении дел в зарубежных странах // Кадзан Тёэй ронсю [崋山・長英論集]. Сборник сочинений Ватанабэ Кадзан и Такано Тёэй. Токио: Иванами сэтэн, 1978. 398 с. (на яп. яз.)
- Ёкояма Ёсинори.** Кайкоку дзэнъя-но сэкай [横山伊徳. 開国前夜の世界]. Мир накануне открытия Японии / Нихон кинсэй-но рэкиси [日本近世の歴史]. История Японии в раннее новое время. Т. 5. Токио: Ёсикава кобункан, 2013. 383 с. (на яп. яз.)
- Сакума Сёдзан.** Кайбо ни кансуру хансю атэ дзёсё [佐久間象山. 海防に関する藩主宛上書]. Записка главе княжества о морской обороне // Нихон сисо тайкэй [日本思想大系]. Антология японской мысли. Т. 55. Ватанабэ Кадзан, Такано Тёэй, Сакума Сёдзан, Ёкои Сёнан, Хасимото Санай [渡辺崋山・高野長英・佐久間象山・横井小楠・橋本左内]. Токио: Иванами сэтэн, 1971а. С. 262–283. (на яп. яз.)
- Сакума Сёдзан.** Янагава Сэйган атэ [佐久間象山. 梁川星巖宛]. Письмо к Янагава Сэйган // Нихон сисо тайкэй [日本思想大系]. Антология японской мысли. Т. 55. Ватанабэ Кадзан, Такано Тёэй, Сакума Сёдзан, Ёкои Сёнан, Хасимото Санай [渡辺崋山・高野長英・佐久間象山・横井小楠・橋本左内]. Токио: Иванами сэтэн, 1971б. С. 370–376. (на яп. яз.)
- Фудзита Сатору.** Кинсэй коки сэйдзиси то тайгай канкэй [藤田覚. 近世後期政治史と対外関係]. Политическая история второй половины периода Токугава и международные отношения. Токио: Токё дайгаку сюппанкай, 2005. 323 с. (на яп. яз.)

References

- Golovnin V. M.** Zapiski flota kapitana Golovnina o prikliucheniiakh iego v plenu u iapontsev v 1811, 1812 i 1813 godah. Chast tretia, sodержashaia v sebe Zamechaniia iego o iaponskom gosudarstve i narode [Memoirs by Navy Captain Golovnin of his Captivity in Japan during the Years 1811, 1812 and 1813. Part 3, which contains his observations on the country and the people of Japan]. Saint Petersburg, Morskaia Tipografiia, 1816, 169 p. (in Russ.)
- Kato Hiroyuki.** Zapiski soseda. Vstupitelnaia statiia, perevod s iaponskogo i kommentarii Yu. D. Mikhailovoi [Notes of the Neighbour. Introduction, translation from Japanese and commentaries by Yu. D. Mikhailova]. *Vostok*, 1991, no. 6, pp. 102–110. (in Russ.)
- Katsuragawa Hoshu.** Kratkiiie vesti o skitaniiah v severnykh vodakh (Hokusa monryaku), Perevod s iaponskogo, kommentarii i prilozhenie V. M. Konstantinova [Short news about wandering in Northern waters (Hokusa monryaku). Translation, commentary and appendixes by V. M. Konstantinov]. Moscow, Nauka, 1978, 532 p. (in Russ.)
- Shchepkin V. V.** Pervyie svedeniia o Petre I i formirovaniie iego obraza v Iaponii [Early information about Peter I and shaping of his image in Japan]. *Uchenyie zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University], 2020, vol. 42, no. 4, pp. 115–122. (in Russ.)
- Tolstoguzov S. A.** Vneshnepoliticheskaia situatsiia v Vostochnoi Azii i politika bakufu v gody Tempo [Geopolitical situation in East Asia and bakufu policy in Tempo years]. *Istoriia i kultura traditsionnoi Iaponii* [History and Culture of Traditional Japan]. Moscow, RGGU, 2011, pp. 59–78. (in Russ.)
- Wada Haruki.** Predstavleniia o Rossii v Iaponii: uchitel, vrag, sobrat po stradaniiam [Perceptions of Russia in Japan: a teacher, an enemy, a comrade in sufferings]. *Rossiiia I Iaponiia v isledovaniiah sovetskikh i iaponskikh uchionykh* [Russia and Japan in the studies of Soviet and Japanese scholars]. Moscow, Nauka, 1986, pp. 50–61. (in Russ.)
- Keene Donald.** Frog in the well. Portraits of Japan by Watanabe Kazan (1793–1841). New York, Columbia University Press, 2006, 289 p.
- Screech Timon.** Secret Memoirs of the Shoguns. Isaac Titsingh and Japan, 1779–1822. Routledge, 2006, 288 p.
- Wakabayashi Bob Tadashi.** Anti-Foreignism and Western Learning in Early Modern Japan: The New Theses of 1825. Harvard, Harvard University Asia Center, 1986, 360 p.
- Aizawa Seishisai.** Shinron [会沢正志斎. 新論]. New Thesis. *Nihon shisou taikai* [日本思想大系]. *Anthology of Japanese Thought*. Volume 53. Mitogaku [水戸学]. The Mito School. Tokyo, Iwanami shoten, 1973, pp. 49–160. (in Jap.)
- Fujita Satoru.** Kinsei kouki seijishi to taigai kankei [藤田覚. 近世後期政治史と対外関係]. Political history of the second half of early modern period and foreign relations. Tokyo, Tokyo daigaku shuppankai, 2005, 323 p. (in Jap.)
- Sakuma Shozan.** Kaibo ni kansuru hanshu ate jousho [A note to the head of domain about maritime defence]. *Nihon shisou taikai* [日本思想大系]. *Anthology of Japanese Thought*, Vol. 55. Watanabe Kazan, Takano Choei, Sakuma Shozan, Yokoi Shonan, Hashimoto Sanai [渡辺華山・高野長英・佐久間象山・横井小楠・橋本左内]. Tokyo, Iwanami shoten, 1971, pp. 262–283. (in Jap.)
- Sakuma Shozan.** Yanagawa Seigan ate [佐久間象山. 梁川星巖宛]. Letter to Yanagawa Seigan. *Nihon shisou taikai* [日本思想大系]. *Anthology of Japanese Thought*, Volume 55. Watanabe Kazan, Takano Choei, Sakuma Shozan, Yokoi Shonan, Hashimoto Sanai [渡辺華山・高野長英・佐久間象山・横井小楠・橋本左内]. Tokyo, Iwanami shoten, 1971, pp. 370–376. (in Jap.)

Watanabe Kazan. Gaikoku jijousho [渡辺崋山。外国事情書]. A note about the situation in foreign countries. *Kazan Choei ronshuu* [崋山・長英論集]. *Collection of writings by Watanabe Kazan and Takano Choei*. Tokyo, Iwanami shoten, 1978, 398 p. (in Jap.)

Yokoyama Yoshinori. Kaikoku zen'ya-no sekai [横山伊徳。開国前夜の世界]. The world just before the opening of Japan. (*Nihon kinsei-no rekishi* 5 [日本近世の歴史]. *History of early modern Japan*, vol. 5). Tokyo, Yoshikawa kobunkan, 2013, 383 p. (in Jap.)

Информация об авторе

Василий Владимирович Щепкин, кандидат исторических наук

Information about the Author

Vasilii V. Shchepkin, Candidate of Sciences (History)

*Статья поступила в редакцию 14.05.2021;
одобрена после рецензирования 17.08.2021; принята к публикации 12.09.2021
The article was submitted 14.05.2021;
approved after reviewing 17.08.2021; accepted for publication 12.09.2021*